

DK262
R9
Ranck.100

№ 4

Цѣна 10 коп.

1906 г.

НАГАЕЧКА

ЭХО СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.
ОРГАНЪ НЕЗАВИСИМОЙ МЫСЛИ.
Выходитъ еженедѣльно, въ зависимости отъ
интереса текущихъ событій.

Картинка съ натуры.

„Это куда же худой, истомленный.
Войскомъ вплотную кольцомъ оцѣпленный
За городъ гонять народъ?“
Такъ я спросилъ у солдата дорогой,
Шелъ за толпой я, отставши немного.
Тихо отвѣтилъ мнѣ тотъ:
„Это борцы за крестьянскую долю,
Дружно бсролись—добыть они волю,
Бѣдныхъ земель надѣлить.
Гонимъ мы ихъ на Ходынское поле—
Тамъ и землю и желанную волю
Могутъ они получить.
Сталъ какъ убитый я вѣстью такою,
Взоромъ толпу провожаю съ тоскою,
Слезы изъ глазъ потекли.
Вышли на поле... Толпа раздѣлилась...
Войско къ винтовкамъ тотчасъ приложилось...
Ротный скомандовалъ: „пли“!!!
Глухо отъ выстрѣловъ вздрогнуло поле...
Жизнь улетѣла. Суровая доля!
Грудами пали друзья...
Въ мукахъ предсмертныхъ стонали, вопили,
Гнѣвно ихъ тутъ же солдаты добили
Мѣткимъ прикладомъ ружья.
Ѣдутъ извозчики къ нимъ ломовые,
Лошади сильныя, дровни большіе,
Точно подь туши свиней.
Плотно на дровни тѣла уложили,
Крѣпко связали, рогожей покрыли...
Ѣдутъ, а слѣдъ ихъ саней
Теплая, алая кровь обагрятъ,
Стая воронъ все надъ ними летаетъ
Съ крикомъ кружась въ вышинѣ;
Жалобно каркаютъ всюду вороны,
Будто поютъ онѣ маршъ похоронный...
Сжалося сердце во мнѣ...

„ГЕНЕРАЛЪ“.

Нашъ Дубасовъ адмиралъ,
Какъ заправскій „генералъ“,
Приказавъ всѣхъ убивать,
Самъ забрался подъ кровать.
Храбро на своемъ посту,
Онъ въ волненіи и поту,
Все возстанье пережилъ
И судьбу благословилъ.

Москвичъ.

Вотъ и „Ваганьково“ видно кладбище—
Тамъ для нихъ общее роютъ жилище
Десять плечистыхъ мужчинъ.
„Долго ли будете, вы, ломовые,
Труповъ возить къ намъ все груды такіе?“
Крикнулъ могильщикъ одинъ.
„Вотъ ужъ недѣля, какъ здѣсь проживаемъ,
Труповъ по двѣсти на день зарываемъ,
Некогда даже поѣсть“.
— „Полно, орать! Развѣ мы виноваты,
Что доказали геройство солдаты?
Наше лишь дѣло—привезть...
Васъ вѣдь не даромъ, такихъ лоботрясовъ,
Заступомъ рыть заставляеть Дубасовъ,—
Рубль поденно даетъ!
Сидоръ! Мы тоже, какъ только покончимъ,
То у него на „чаишко“ попросимъ
Что, братъ, авось—не убьетъ“.
— „Ты его, видно, не знаешь, Данила,
Въ немъ говорятъ—эоіопская сила,—
Жадный и злой людоедъ!...“
„Полно вамъ, черти! Беритесь за дѣло...
Яма готова, бросай туда смѣло...
Медлить намъ времени нѣтъ!“
Трупы извозчики въ яму свалили,
Сверху могильщики груду зарыли
Мягкой песчаной землей.
Грустно смотрѣлъ я на эту картину,
Въ душу закралася злая кручина
Съ жгучей больною тоской.
„Всѣ мы предстанемъ предъ Грознымъ Судьею!“
Къ праху погибшихъ сказалъ я съ слезою:
„Вѣчный вамъ, братья, покой!“

Яснецовъ.

ОКУНЕВУ.

Да, Окуневъ, ты—не подлецъ!
Ты—ресторанный лишь храбрецъ.
Хоть ты стрѣлялъ не въ грудь,
а въ спину,
„Хвала“ тебѣ—какъ прежде Мину.

ICU

Взвз.

Дубасовы! Минь! Предъ вами все трепещетъ.
Никто не смѣетъ и напомнить вамъ
О жребіи несчастныхъ москвичей;
Одинъ сатирикъ лишь въ своемъ журналѣ
На васъ доносъ-сатиру пишетъ.
И не уйти вамъ отъ суда мірскаго,
Какъ не уйти отъ Божьяго суда.

Нѣтъ-ли девольвера?

Судъ Миноса.

Предъ судилищемъ Миноса
Собралися для допроса:
Дурново и Витте, Треповъ,
Охранители Совѣтовъ.
„Говорите, какъ вы жили,
Много въ жизни вы грѣшили.
Зло чинили-ль вы народу
И душили-ль мысль, свободу?
И предсталъ предъ нимъ тутъ Витте.
„Я, графъ Витте, и открыто
Раскажу тебѣ сначала
Жизнь всю мою сызмала:
Я учился, въ Бога вѣрилъ,
По карману людей мѣрилъ.
Преклонялся предъ начальствомъ,
Восхищался ихъ удалствомъ.
Сталъ министромъ я финансовъ,
Быть премьеромъ много шансовъ,
Я имѣлъ вѣдь за собою,
Дорожка такой мечтою.

Околпачилъ я японцевъ,
Одурачилъ инородцевъ,
И въ награду я за это
Сталъ любимцемъ всего свѣта.
Изъ чиновниковъ дороги
Въ графы вылѣзъ понемногу,
А потомъ премьеръ-министра
Получилъ портфель я быстро.
И въ одинъ присѣсть я сразу
Написалъ, какъ по заказу,
Пять свободъ всѣ для народа,
Пусть, да здравствуетъ свобода!
Но народъ россійскій сытый
Не хотѣлъ свободы битой.
Я тогда ужъ, по приказу,
Отнялъ всѣ свободы сразу.
Ну-ка дальше, по секрету.
За мой умъ, за мудрость эту
Богачемъ я сталъ. Открыто
Душу всю излилъ я, Витте.
Я патроновъ не жалѣю,
Сколько я ихъ не имѣю,

* * *

Я душилъ всегда свободу
Для спокойствія народа.
Изъ Москвы меня призвали,
Меня въ свиту записали,
И товарищемъ министра
Сталъ я также очень быстро.
Меня, въ бытность генераломъ,
Витте сдѣлалъ либераломъ,
Но народъ, вѣдь мной избитый,
Не повѣрилъ шуткѣ Витте:
Пригрозилъ убраться сразу.
И я быстро, по приказу,
Комендантомъ сталъ дворцовымъ,
И слугою образцовымъ
Камарилы сталъ я снова,
Вспоминая дни былого.
Впрочемъ, всѣ мои доходы
Превышаютъ всѣ расходы.
Ненавижу я свободу,
Изъ жандармскаго я роду.
И старинныхъ всѣхъ завѣтовъ
Я ревнитель-Дмитрій Треповъ.

* * *

Дурново я по прозванью,
И купецъ я по призванью,
Я фонъ-Плевскаго пошиба,
Безъ утайки, безъ изгиба
Говорю тебѣ. Забавно
Сталъ министромъ я недавно.
Мой принципъ-нагаекъ больше,
Насолилъ я много Польшѣ,
Латыши меня всѣ знаютъ,
И финляндцы понимаютъ.
Но спущу я такъ повстанцамъ
Вѣдь недаромъ я испанцемъ

Быль избить: съ его женою
Цѣловался я весною.
И за это по приказу,
Какъ „свинью“ убрали сразу.
Управлять я призванъ снова,
Наплевать на дни былого
Я отнял тотчасъ свободы,
Хотя стали всѣ заводы.
Показалъ я всѣмъ студентамъ,
Мужикамъ, интеллигентамъ,
Что шутить со мной опасно,
Даже больше, чѣмъ ужасно.
Я овсомъ подчасъ торгую,
И съ казной дѣла веду я,

Цѣны ставлю дорогія:
Времена теперь плохія,
Никогда отъ славной службы
Не терплю ни въ чемъ я нужды.
Дурново я прозываюсь,
Я фонъ „Плеве“ увлекаюсь.

* * *

„Въ адъ ихъ, въ адъ!“ Миносъ правдивый
Закричалъ. Скорѣй, на-диво
Наказать ихъ, чтобы знали,
Какъ Россія изнывала,
Какъ народъ стоналъ, страдая,
Свою долю проклиная!

Павелъ Градскій.

Политико-журнальная эпопея.

(Петербургскіе мотивы).

Въ дни надеждъ и ожиданья,
Дни предбурной тишины
Полный гордаго сознанья
Силъ своихъ—онѣ грозны—
Безъ брони, вооруженный
Острымъ взглядомъ, что копьемъ,
Вышелъ „Зритель“, просвѣщенный
Созерцать всю Русь кругомъ...
Не одна предъ нимъ картина
Въ смѣнѣ быстрой пронеслась:
Вотъ державная рутина
Изъ трясины поднялась.—
Передъ „Зрителемъ“, въ туманѣ
Не одинъ прошелъ скандалъ.
Вдругъ раздался на полянѣ
Оглушительный „Сигналъ“,
А быть можетъ только красный
Флагъ былъ выброшенъ, дабы
Смѣло вышли въ путь опасный
Пробужденные рабы.
И за нимъ, почти мгновенно,
Презирая власти гнѣтъ,
Грянулъ гнѣвно и надменно
Дерзновенный „Пулеметъ“.
Закраснѣлись бюрократы,

Побѣлѣли палачи,
Злого смѣха перекаты
Поражали, какъ мечи
Всѣхъ, кто властію играя
Беззащитныхъ угнеталъ,
Съ упоеніемъ вонзая
Въ грудь невинную металлъ.
Въ атмосферѣ этой чадной,
Въ ожиданіи зари
Въ мракѣ ночи непроглядной
Замигали „Фонари“.
Быль одинъ Фонарь Волшебный,
А другой Фонарь простой,
Оба пѣли гимнъ хвалебный
Въ честь свободы золотой.
Смѣхъ Свободный „Спрутъ“ Сѣкира
„Стрекоза“, „Осколки“ „Шуть“—
Все слилось въ безумствѣ пира
На одинъ всѣ ладъ поють.
Превращая бревна въ щепы,
Разбивая валъ о валъ,
Необузданно свирѣпый
„Буреломъ“ забушевалъ.
Вслѣдъ за нимъ, все сожигая,
„Жупель“ падаетъ дождемъ,
Какъ по волѣ Адоная,
На Гоморру и Содомъ,
Засвистѣли „Пули“, „Стрѣлы“,
Гдѣ-то „Дятель“ простучалъ.

„Пламя“ вспыхнуло несмѣло,
 „Гамаюнъ“ затрепеталъ.
 Сколько ихъ! И какъ ихъ гонять...
 А они все прутъ, да прутъ,
 Одного лишь похоронять—
 Глядь ужъ десять новыхъ тутъ
 Вонъ, крылами машетъ „Воронъ“
 Съ вѣщимъ крикомъ „прочъ рабовъ!“
 И зоветъ ихъ на просторъ онъ
 Изъ темницы и оковъ.
 Безконечна вся ихъ свита,

Разноцвѣтенъ ихъ нарядъ,
 Всѣ въ безумной „Пляскѣ Витта“
 Мчатся, кружатся, свистятъ...
 Дальше, дальше... мимо, мимо...
 Чу!.. Летитъ съ березы листъ,
 То „Нагаечки“ родимой
 Прозвучалъ отрадный свистъ.
 Не избѣгнувъ даже „Свахи“
 Петербуржецъ радъ-не-радъ
 Ждетъ лишь въ трепетѣ и страхѣ
 Появленья „Баррикады“.

РОДИНѢ.

Съ кровавой зарею проснулась Россія
 И цѣпи сорвавъ сглянулась кругомъ,
 Сознаніемъ идеи народъ всполошила
 И грозно на битву вступила съ врагомъ.
 Великая, мощная, юная, бурная!
 Бездна геройства въ порывѣ твоёмъ,
 Бездну отваги средь блеска лазурнаго,
 Ты проявила въ потокѣ твоёмъ.
 Сколько героевъ родила ты доблестныхъ,
 Жизнь положившихъ служенію тебѣ,
 Сколькимъ злодѣямъ рука ихъ могучая
 Твердо отмстила въ неравной борьбѣ.
 Сколько сознательныхъ, храбрыхъ воителей
 Нѣжно вскормила на грудяхъ своихъ
 Въ путь противъ всѣхъ палачей и грабителей
 Благословила при чувствахъ святыхъ.
 Ты мать великаго, мать ты прекраснаго
 Миръ весь слѣдитъ за борьбою твоей
 И да падетъ среди грома ужаснаго
 Гнетъ, произволъ, заковавшій людей!!

Юрій Крамольникъ.

Политическія задачи.

Министерство Императорскаго Двора предполагаетъ израсходовать въ 1906 году 16.400.000 рублей. Изъ этой суммы на расходы собственнаго двора уйдетъ 12,000.000 рублей, а 3.600.000 рублей ассигнуется на императорскіе театры. Спрашивается, сколько изъ 3.600.000 рублей народныхъ денегъ (грошей крестьянъ деревни Неѣловки) уходитъ на поддержаніе балета и балеринъ, если извѣстно, что нѣкоторые изъ балеринъ имѣютъ собственные дворцы въ столицахъ и роскошныя виллы за границей?

Бывшій министръ финансовъ Коковцевъ ѣздилъ въ Парижъ съ цѣлью заключить заемъ въ 800 милліоновъ рублей по процентамъ не превышающимъ 2—3. А ему удалось съ трудомъ заключить заемъ лишь въ 100 милліоновъ и по 5¹/₂% Спрашивается: 1) во сколько разъ меньше рублей ему удалось выклянчить 2) насколько выгодны для государства такіе ростовщицкіе проценты и 3) каково довѣріе въ Парижѣ къ нашей Реакціи, которая котируется почти какъ рента?

Въ Москвѣ при обыскѣ служебнаго персонала Александровской больницы Московскаго Купеческаго общества на Шипкѣ, у многихъ изъ нихъ не оказалось денегъ и разныхъ мелкихъ вещей въ видѣ часовъ и колецъ на сумму 92 рубля. Спрашивается, сколько перепало полиціи за свои „труды“ за все время обысковъ, если они продолжаютъ въ теченіе трехъ недѣль и такихъ больницъ имѣется въ Москвѣ до 145?

Извѣстно, что шестнадцать редакторовъ политико-сатирическихъ журналовъ привлечены къ суду и съ каждаго изъ нихъ требуется не менѣе 10.000 рублей залога. Спрашивается, сколько денегъ соберетъ правительство?

Для поддержанія „порядка“ внутри страны правительство расходуетъ ежедневно 1.000.000 рублей. Спрашивается, сколько милліоновъ оно уже потратило народныхъ денегъ и сколько еще потребуется, если „порядокъ“ этотъ возстанавливается правительствомъ уже четыре мѣсяца и возстановить его можно будетъ лишь съ созывомъ Учредительнаго Собранія съ четырехчленной формулой?

Закрою, авось не успею замѣтить.

Въ годовщину.

ИЗЪ МОСКВЫ

(по телефону).

Въ честь властей гражданскихъ
 Былъ у насъ обѣдъ.
 Тостовъ адмиральскихъ
 Слушалъ высшій свѣтъ.
 Говорилъ Дубасовъ:
 „Милые друзья,
 Со Христомъ со Спасомъ
 Спасъ Россію я!
 Ничего не хочетъ
 Добрый нашъ народъ;
 Жидъ насъ все морочить,
 Про „свободу“ вретъ...
 Русскій добродушно
 Будетъ вѣкъ молчать,
 Жить и благодушно
 Голымъ умирать...
 Революціи-жъ сѣмя
 Дало пышный плодъ
 И Россіи племя
 Двинулось впередъ...
 Правда много крови
 Русской пролилъ я,
 Будетъ такъ и вновь
 Это—не бѣда!
 Мы для высшей правды
 Будемъ разрушать.
 Васъ же, камерады,
 Прошу мнѣ помогать!“
 Адмиралъ закончилъ,
 Предводитель всталъ
 И себя охочимъ
 Помогать назвалъ.
 Послѣ всѣхъ поднялся
 Голова Гучковъ,
 Говорить принялся
 Онъ съ обиняковъ:
 „Адмирале-друзе,
 Ваша рѣчь красна!..
 Подтяните тоже—
 Молить вся Москва.
 Съ вами солидаренъ
 Я во всемъ всегда,
 Вамъ я благодаренъ—
 Вы спасли меня!..
 Вамъ всегда поможемъ,
 Лишь придетъ бѣда,
 Многое мы можемъ
 Сдѣлать, васъ любя!“
 Много говорили
 За обѣдомъ тѣмъ,
 Много винъ испили,
 Рады были всѣмъ!

Взвз.

Нищій и Правительство.

(Басня).

Калѣжку-бѣдняка,
 За то, что имъ была протянута рука,
 Правительство на улицѣ поймало,
 Въ участокъ привело и грозно тамъ сказало:
 „Я притащилъ тебя сюда къ отвѣту:
 Извѣстно всѣмъ, законъ за нищенство караетъ..
 Правительству тутъ нищій отвѣчаетъ:
 „Работать не могу, и багаченъ нѣту.
 И негдѣ голову сѣдую преклонить.
 Добуду кое-какъ кусокъ, что бы прожить!
 „Онъ видишь, что—про багаченъ намекаетъ!
 А деньги, гдѣ ихъ взять-того совсѣмъ не знаетъ.
 Еще „свобода“ тутъ осталась одна
 (Тобой использована можетъ быть она).
 Вотъ мой тебѣ совѣтъ:
 Ты можешь помереть отъ голоду свободно!
 На багаченъ денегъ нѣтъ!
 На тюрьмы—сколько угодно!...

Кукишъ.

Зачѣмъ?

Въ девятый январскій день прошлаго года
 Ходили по улицамъ толпы народа.
 Съ портретомъ царя и съ иконой святой
 Повелъ ихъ священникъ Гапонъ за собой.
 Съ вѣрой, спокойно просить они шли
 Лучшую долю, но смерть тамъ нашли.
 Зачѣмъ безоружныхъ тогда убивали,
 За что тѣхъ голодныхъ „они“ наказали...

* *

Когда жъ поднялись черной сотни ряды,
 То дѣлали все—что хотѣли они...
 Съ портретомъ царя и съ иконой святой
 Несли они гибель и смерть за собой.
 И все на пути они жгли, убивали,
 Но высшія власти ихъ всюду прощали.
 Зачѣмъ это всюду теперь допускалось
 И высшею властью оно поощрялось?..

Вл. Ивановичъ.

Генералу Карангозову.

Въ Одессѣ чума прекратилась давно,
Недавно-жъ другая настала:
По моему, знаете, все вѣдь равно,—
Чума или власть генерала.

Московскимъ удалцамъ.

Видно эсъ-эры сильнѣе японцевъ,
Бравыхъ сыновъ восходящаго солнца:
Японца сразить—мы молебны служили,
Иконъ, образовъ съ собой навозили.
Эсъ-эръ ужъ не то. Съ нимъ—не игрушки,—
Братцы-солдаты палите изъ пушки.

При встрѣчѣ.

1-ая: — Слышь Акулина, а штой то за амнистія?

2-ая—А ефто, мать моя, тюрьма, што на Выборской, прозывается, потому какъ моего изъ предварилки выпустили, такъ сказывали
ѣ амистію попалъ, да на другой день на Вборскую и посадили.

Пословицы.

Дубасовъ крестилъ Москву огнемъ, а Минъ мечомъ.

На то и министръ въ столицѣ, чтобъ анархистъ не дремалъ.

Вѣсти и слухи.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы узнали, что графъ Витте думаетъ произвести внѣшній заемъ подъ залежи динамита, отобраннаго у русскихъ обывателей, во время послѣднихъ энергическихъ обысковъ. Для этой цѣли графъ послалъ Коковцева въ Парижъ съ образцами динамитной руды.

Мысли и мыслишки.

1) Гдѣ любовь, тамъ и Богъ, гдѣ губернаторъ—тамъ и кровь.

2) Безъ Бога ни до порога, безъ взятокъ—никуда.

3) Бойся Бога, а еще больше бойся казака.

4) Одна голова — хорошо, а двѣ министерскія — очень плохо.

5) Не бейся, а то флигель-адъютантомъ будешь, не ври—въ министерство попадешь.

6) Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ, а русскій администраторъ переднимъ умомъ тугъ.

7) Баррикады строить—не поле перейти.

8) Хочешь ѣсть пироги—въ сенаторы попадай.

9) Голодъ—не тетка, адмиралъ—не братъ.

10) Шесть дней работай, а въ седьмой въ „Покой“ попадешь.

Дубасову.

Малюта Скуратовъ, иль мало крови
Тобою пролито въ московскіе дни?
Зачѣмъ же ты отдалъ секретный приказъ
Казнить недобитыхъ тобою за разъ?

Происшествія.

Москва.—На дняхъ реалистъ приготовительнаго класса Алексѣй Курочкинъ неожиданно напалъ на помощника пристава и грифелемъ нанесъ ему тяжкія пораненія. Преступникъ скрылся. Предполагаютъ, что онъ бѣжалъ за границу, такъ какъ еще до покушенія у него было замѣчено двѣ новыя тетради и три пера.

Телеграммы.

С.-Петербургъ.—Графъ Витте, по совѣщанію съ Треповымъ, Дубасовымъ и Дурноворѣшилъ ввести взаменъ золотой валюты—динамитную валюту, такъ какъ динамитъ приливаетъ, а золото отливаетъ за границу.

Москва.—Мѣстные гробовщики поднесли адмиралу Дубасову благодарственный адресъ, который заканчивается слѣдующими словами: „Ваше Высокопревосходительство никогда не забудемъ ваше пребываніе въ Москвѣ и имя ваше надолго запечатлѣется въ сердцахъ благодарныхъ вамъ московскихъ гражданъ.“

Не видать ли?

Л е г е н д а.

Угрюмо и молча старый рыцарь сидитъ,
Предъ нимъ драгоцѣнная чаша стоитъ.

Онъ чашу искристымъ наполнилъ виномъ,
Желая испить на покой передъ сномъ.

Но, Боже Великій, въ той чашѣ вѣдь кровь,
Прищурилъ глаза рыцарь, наморщилъ онъ бровь.

Схватилъ онъ ту чашу и бросилъ въ окно
И въ новую чашу льетъ снова вино.

Налилъ онъ до краю... Онъ смотритъ и
вновь

Вино обращается въ красную кровь.

Онъ чашу дрожащей рукою схватилъ
И руки и платье въ крови обагрилъ.

И тѣни родителей вдругъ появились
И къ сыну сурово онъ обратились:

„Убійца невинныхъ, народа палачъ!
Не трогаешь насъ крокодиловъ твой плачъ,

Такъ тѣни сказали и мигомъ сокрылись
У рыцаря жъ ноги въ тотъ часъ подкосились.

И тихо, но грузно онъ на полъ упалъ,
Сознанье на мѣстѣ онъ тутъ потерялъ.

Вл. Ивановичъ.

ЖАЛОБА КОНСТИТУЦИИ.

— Зачѣмъ ты меня звалъ, графъ Витте?
О, люди, добрые, глядите,
Какъ я блѣдна, бѣдна, худа —
Эхъ не гожусь я никуда!
Россійскій климатъ отравилъ
Меня совсѣмъ, и загубилъ
Мою дѣвичью красоту...
Я думала, что здѣсь найду
Пріютъ и, ласку и любовь,
Спокойно заживу я вновь...
И что-жь?.. — Меня не замѣчаютъ
Мои права всѣ попираютъ,
Мой даръ Россіи — пять свободъ
Стащилъ придворныхъ дикій сбродъ!
О, люди добрые, спасите
Меня скорѣй и погубите
Россійскій старый произволъ:
Мнѣ жить у васъ не дастъ вѣдь онъ!

Взвз.

Ищутъ спѣшно невѣсту,

могущую доставить бумагу или типографію
для изданія сатирико-политическаго жур-
нала. Серьезныя предложенія безъ фотогра-
фической карточки просятъ адресовать въ
почтамтъ предъявителю трехъ-копеечной
монеты.

Продолжается подписка на 1906 годъ на еженедѣльный политико-сатирическій художественный журналъ „НАГАЕЧКА“.

Въ журналѣ участвуютъ лучшія литературныя и художественныя силы. Годовые подписчики получаютъ въ премію въ теченіе года серію, состоящую изъ 12 открытых писемъ на злобо-временныя темы. Подписная цѣна на годъ безъ доставки 2 р. 50 коп., съ доставкой и пере-сылкой 3 р. 50 к. Книжные магазины и другія лица, представившія шесть подписчиковъ, получаютъ годовой экземпляръ бесплатно. Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 1 руб., въ Мартѣ 1 руб. и въ Маѣ остальные 1 р. 50 коп. Литературный и художественный матеріалъ просятъ присылать въ редакцію съ обозначеніемъ условій гонорара, имени, фами-ліи и адреса автора (исключительно для свѣдѣній редакціи).

Присланный матеріалъ безъ обозначенія условій считается бесплатнымъ. Матеріалъ, при-знанный редакціею негоднымъ, обратно не возвращается. Объявленія принимаются въ главной конторѣ журнала „Нагаечки“ по 25 коп. за строчку петита, Лиговка 117, кв. 40. Редакція и контора открыта ежедневно отъ 10 до 1 часу дня и отъ 3 до 5 вечера. Тамъ же редак-торъ принимаетъ для личныхъ переговоровъ отъ 3 до 5 часовъ вечера по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ.

Отдѣленіе въ Ригѣ для приѣма подписки, продажи отдѣльных №№ и приѣма объявленій: Большая Кузнечная № 15.

Въ день выпуска оптовая продажа отдѣльных номеровъ производится на 1-й Рождествен-ской ул., д. 10а, кв. 19.

Я тотъ, чей взоръ Россію губить,
 Едва свовода въ ней влечетъ;
 Я тотъ, кого она не любитъ,
 Кого все честное клянетъ.
 Я тотъ, кто жалости не знаетъ,
 Кому сермяжный людъ не вратъ;
 Я тотъ, кого онъ проклиняетъ...
 Я-вюрократъ! я-вюрократъ!!

Оптовая продажа отдѣльныхъ номеровъ въ день выхода въ свѣтъ производится: 1-я Рожде-
 ственская, д. № 10а, кв. 19.

Издатель Х. М. Кноррингъ. Въ этомъ № 12 страницъ. Ответственный редакторъ А. Ф. Ивановъ.

Спб. Коммерч. Типо-Литографія М. Виленчика. Литейн. 58.